

Научная статья

УДК 398.8:801.82

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-232-249

**Песни литературного происхождения
в фольклоре мордвы Сибири:
творческие стратегии адаптации
заимствованных музыкально-поэтических текстов**

Павел Сергеевич Шахов

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Аннотация

Рассматриваются некоторые песни литературного происхождения, заимствованные и адаптированные мордовской фольклорной традицией сибирского бытования. В основе исследования лежат полевые материалы 2007–2009 гг., записанные при участии автора в мордовских селах Алтайского края, Кемеровской области и Красноярского края (дополнительно привлекаются чувашские материалы Новосибирской области из коллекции 2003 г.), хранящиеся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки.

В центре внимания находятся две довольно популярные песни, вышедшие из солдатской (казахьей, красноармейской) среды, а затем получившие широкое распространение во многих фольклорных традициях, в том числе иноэтнических: 1) «Знаю, ворон, твой обычай» с напевом казахьей песни и текстом, в основе которого лежит перевод П. Козлова стихотворения польского поэта В. Сырокомли «Pieśń Litevska» / «Литовская песня»; 2) «Как родная меня мать

© Шахов П. С., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 232–249

Critique and Semiotics, 2023, no. 1, pp. 232–249

провожала» с напевом украинской песни «Ой, що там за шум учинився» на слова Д. Бедного «Проводы».

В фольклорных традициях сибирской мордвы-эрзя и мордвы-мокши эти песни бытуют на русском языке, а также с поэтическими текстами на мордовских языках, которые отличаются по содержанию от народных вариантов и авторских оригиналов. Исследование показало, что, с одной стороны, в процессе адаптации заимствованных песен проявились актуальные исторические реалии и традиционные поэтические мотивы, характерные для мордовской культуры. С другой стороны, заимствованные песни послужили своеобразным импульсом развития мордовских фольклорных традиций.

Ключевые слова

народные песни литературного происхождения, мордва-эрзя, мордва-мокша, сибирские переселенцы, процесс заимствования

Для цитирования

Шахов П. С. Песни литературного происхождения в фольклоре мордвы Сибири: творческие стратегии адаптации заимствованных музыкально-поэтических текстов // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 232–249. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-232-249

Songs of Literary Origin in Siberian Mordvin Folklore: Creative Strategies of Adaptation of Borrowed Lyrics

Pavel S. Shakhov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Abstract

In the following article, we analyze several songs of literary origin adapted by Siberian Mordvin folklore. The study is based on 2007–2009 field materials recorded with the author’s participation in Mordvin settlements of the Altai Krai, Kemerovo Oblast, and Krasnoyarsk Krai; we also use Chuvash materials (2003) from the Novosibirsk Oblast. The materials are kept at the Archive of Traditional Music, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory.

Our study focuses on two popular songs originally borrowed from soldiers (Cossacks and Red Army) and later adopted by several folklore traditions, including non-Russian ones: 1) “Znayu, voron, tvoy obychay” (*Raven, I Know Your Ways*), with Cossack melody and lyrics, based on P. Kozlov’s translation of V. Syrokomlya’s

Pieśń Litevska (*Lithuanian Song*, in Polish); 2) “Kak rodnaya menya mat' provzhala” (*How My Dear Mother Sent Me Off*), with Ukrainian melody from “Oy, shcho tam za shum uchinivsyia” (*Oh, What Is That Noise*) and D. Bednyi’s lyrics (*Farewell*).

In Siberian Erzya Mordvin and Moksha Mordvin traditions, these songs are performed in Russian or with Mordvin lyrics, the content of which differs from the folk versions and original lyrics. Our study shows that, on the one hand, in the process of adaptation of these songs, certain historical facts and traditional lyrical motifs typical for Mordvin culture have emerged in the lyrics. On the other hand, these borrowed songs stimulate further development of Mordvin folk traditions.

Keywords

folk songs of literary origin, Erzya Mordvins, Moksha Mordvins, Siberian settlers, process of borrowing

For citation

Shakhov P. S. Songs of Literary Origin in Siberian Mordvin Folklore: Creative Strategies of Adaptation of Borrowed Lyrics. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 232–249. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-232-249

Фольклорный репертуар этноса складывается столетиями с учетом разнонаправленных процессов сохранения и изменения традиции, ее адаптации к социокультурным реалиям. Главное свойство фольклора определяется его коммуникативной природой: передача и хранение фольклорного текста, как и любых элементов традиционной культуры, возможны только при общении людей, в непосредственно-контактном типе коммуникации¹.

Именно в контактных ситуациях включается механизм заимствования, который позволяет встраивать заимствованные элементы (вербально-музыкальные компоненты текста) в «свою» фольклорную традицию. В процессе усвоения заимствованного текста могут происходить его трансформация и структурные сдвиги, изучение которых является задачей большинства сравнительных исследований [Лотман, 2009, с. 223]. В контексте теории взаимодействия культур, изложенной Ю. М. Лотманом, заимствования можно было бы представить как тексты извне, постоянное притекание которых необходимо для имманентного развития культуры [Там же].

---

¹ Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Электронный портал «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения 01.03.2023).

Очевидно, что процесс заимствования является постоянным и естественным механизмом существования и развития как традиционного фольклора, так и поздних стадий его бытования. При этом в качестве заимствованных источников могут выступать совершенно разные тексты: устные и письменные, анонимные и авторские, национальные и иноэтнические, народные и религиозные. Поэтому при построении модели фольклорной культуры этноса необходимо учитывать междискурсные и межъязыковые уровни взаимодействия.

Настоящая работа в некотором отношении завершает цикл статей, посвященных описанию процессов взаимодействия устной народной традиции и письменной культуры на материале эрзя- и мокша-мордовского фольклора сибирского бытования. Ранее были рассмотрены формы заимствования авторских и традиционных поэтических текстов из печатных и медиаисточников [Шахов, 2018], феномен авторства в устной песенной традиции [Шахов, 2019], а также обрядовый комплекс похоронного ритуала, в котором органично объединяются традиционные / устные и православные / письменные элементы [Леонова, Шахов, 2020]. В данной статье рассматриваются некоторые песни литературного происхождения, заимствованные и адаптированные мордовской фольклорной традицией сибирского бытования. В основе исследования лежат полевые материалы 2007–2009 гг., записанные при участии автора на территории Алтайского края, Кемеровской области и Красноярского края (дополнительно привлекаются чувашские материалы Новосибирской области из коллекции 2003 г.), хранящиеся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки (далее – АТМ НГК).

Влияние книжной лирики на песенный фольклор – хорошо исследованная область фольклористики: из крупных методологов назовем Ивана Никаноровича Розанова [1926; 1935], Владимира Яковлевича Проппа [1998], Кирилла Васильевича Чистова [2005], Сергея Юрьевича Неклюдова [2016]. В исследованиях И. Н. Розанова было установлено авторство многих русских песен, считавшихся народными. Авторский поэтический текст, попадая в устную традицию, претерпевает определенные изменения, имя автора утрачивается, а произведение с характерным сюжетом продолжает жить, и только «тщательные разыскания или счастливая случайность могут помочь установить авторов самых прославленных наших песен» [Розанов, 1926, с. 77].

Одним из таких авторских текстов является стихотворение польского поэта Владислава Сырокомли (Людвига Кондратовича) «Pieśń Litevska», которое стало известно в переводе поэта Павла Алексеевича Козлова под названием «Литовская песня» (опубликовано в 1884 г.) [Песни русских поэтов..., 1988, № 634, с. 260]:

Из-за леса, из-под тучи
Ворон прилетел;
На долину близ селенья
Для добычи сел.

В том долу был бой великий;
Кровь текла ручьем,
Ворон с поля поднял руку
С золотым кольцом.

«Ты откуда, черный ворон,
Мрачный, как тоска,
И откуда перстень светлый,
Белая рука?»

«За горами, ой, девчина,
Был великий бой...
Много молодцев удалых
Век свершили свой.

Поле битвы покрывает
Целый ряд могил;
Много, много глаз орлиных
Уж песок зарыл...

Не одна о смерти сына
Тяжко стонет мать,
Не одной девчине друга
Вновь не увидеть».

Дева слушает и стонет,
Слезы льет рекой:
«Доля злая! Боже, боже,
Жалок жребий мой!..

Я теперь, увы, узнала,
Чья рука была;
Я сама блестящий перстень
Милому дала!»

Это стихотворение с сюжетом о черном вороне, принесшем с поля боя руку с перстнем, по которому девушка узнала своего возлюбленного, послужило источником популярной народной песни-баллады «Знаю, ворон, твой обычай». Варианты песен «Знаю, ворон, твой обычай» можно обнаружить в многочисленных изданиях, которые отражают широкое распространение данных песен на территории России. Народные варианты этой песни записаны от казаков (донских [Песни донских казаков..., 1982, с. 122], уральских [Песни уральских казаков..., 1998, с. 107], забайкальских [Чумаков, 2006, с. 102]), в Сибири и на Дальнем Востоке (в Омской области [Аркин, 1987, с. 73], Красноярском крае [Народные песни..., 1983, с. 13], в Забайкалье [Фольклор семейских..., 1963, с. 165; Народная поэзия..., 1974, с. 155; Попова, 1969, с. 109], в Приморье [Попова, 1969, с. 110] и др.), а также на территории европейской части России (в Оренбургской [Малый, 1980, с. 82], Тульской [Русские народные песни..., 1957, с. 136], Новгородской [Традиционный фольклор..., 1979, с. 22] областях и мн. др.).

В разных вариантах песни «Знаю, ворон, твой обычай» присутствует основной сюжет, при этом место, откуда прилетел ворон, имеет вариативный характер. Если в стихотворении П. А. Козлова «великий бой» был «за горами», то в народных вариантах «кровавый бой» был «за морями» (вариант Омской области), «за горами» (вариант Новгородской области), «под Варшавой» (варианты Тульской области и Забайкалья), «над Байкалом», «за Уралом», «на турецкой стороне» (варианты донских казаков). Имеются более конкретные обозначения места, где действительно проходили бои между партизанами и колчаковцами – «под Богдателью» (село в Забайкалье), «на Сучане» (река и город в Приморском крае), «у Салмыша» (река в Оренбургской области), «под Кайтымом» (река и селение в Красноярском крае), – о чем имеются комментарии составителей сборников.

Как отмечают исследователи С. И. Красноштанов и В. С. Левашов, введение в общеказачий (общесолдатский) песенный сюжет местного топонима – самый распространенный и простой способ переделки и закрепления текста в песенном репертуаре локальной традиции [Русские лирические песни Сибири..., 1997, с. 33]. К другим способам переделок относятся замены встречающихся имен именами своих военачальников, указание конкретных военных событий, замена дат и деталей пейзажа близкими реалиям локальной местности [Там же, с. 33]. Поэтические тексты песни «Знаю, ворон, твой обычай», зафиксированные в европейской части Рос-

сии и по всей территории Сибири, демонстрируют гибкость устного текста, который легко приспосабливается под современные реалии, связанные с различными событиями истории XX в.²

Подобную гибкость текста, его приспособляемость к современным реалиям демонстрирует и фольклорный материал, записанный в Красноярском крае от мордвы-мокши на русском языке. С напевом песни «Знаю, ворон, твой обычай» интегрирован другой поэтический текст «На границе, братцы, мы стояли», в котором нашло отражение противостояние казаков на границе Российской Империи и Китайского государства (Китай занял бережок). Известно, что село Каратузское (основанное в 1787 г.), близ которого было расположено исследованное нами мокшанское поселение, являлось станицей абаканских казаков. По схожей сюжетной модели от донских казаков был записан текст на сюжет Отечественной войны 1812 г. (Француз бережком владел).

Вариант, записанный в 2009 г.,
от мордвы-мокши Красноярского края

На границе, братцы, мы стояли,
Не думали ни о чем, эх!
Только думали, братцы, гадали
Нам учиться хорошо, эх!
Не успели, братцы, обучиться
Нам приказчик пришел, эх!
Пришел, пришел, братцы, нам приказик
Нам в походный марш идти.
Три дня-ночи, братцы, мы не спали
Всё походным маршем шли.

...
[Китай занял бережок]

Вариант донских казаков
(конец XIX в.)

На границе мы стояли,
Не думали ни о чем,
Только думали, гадали
Приубраться хорошо,
Приубраться, приодеться,
По границе погулять.
Вдруг последовал Указ:
Во поход скоро итить
За Вислюю за реку.
Как за Вислюю рекою

Француз бережком владел,

² Черный ворон с рукой воина – очень сильный художественный образ, который в трансформированном виде используется Н. С. Михалковым в последних кадрах художественного фильма «Двенадцать» для передачи реалий XXI в. – ужасов чеченской войны. Режиссер заменил черного ворона черной собакой, бегущей по разрушенному городу и несущей в зубах оторванную человеческую руку с блестящим перстнем. Возможно, новый семиотический текст киноленты был создан творческим мышлением, вдохновленным фольклорным образом, имеющим литературное происхождение.

Летят пули, летят и снаряды,
 Нам покою не дают.
 Лежат раненые, лежат убитые,
 Нам проходу не дают³.

Француз-воин, Француз-храбрый,
 А теперь – несчастный стал!

[Донские казацки песни..., 1885,
 с. 98]

Текст песни «На границе, братцы, мы стояли», записанный от красноярской мордвы-мокши, близок к варианту забайкальских казаков «На границе мы стояли», в котором упоминается битва за Амур [Русские лирические песни Сибири..., 1997, № 425, с. 329].

Песни с сюжетом о черном вороне и характерным напевом, изначально распространенные в казачьей (солдатской) среде, приобрели широкую популярность и попали в фольклорный репертуар неславянского населения Сибири. Так, сибирские чуваши с напевом «Знаю, ворон, твой обычай» поют поэтический текст «Сеҫенхирте сад пахчинче» («В степи, в саду»). Приведем один из вариантов песни, записанный в Новосибирской области (всего в Новосибирской области зафиксировано пять вариантов этой чувашской песни):

1. Сеҫенхирте сад пахчинче
 Аманнӑ салтак выртать
2. Ун кӑкрине штыкпа штарнӑ
 Юнлӑ тутри аллинче.
3. Унӑн юнӗ шӑршипеле
 Вӗҫе анӗҫ кураксем.
4. «Ан кил, курак, ан кил, курак,
 Эпӗ халӗ вилмен-ха.
5. Часрах эсӗ кайса кала
 Аттепеле аннене.
6. Вӗсем маншӗн ан куйланчӑр,
 Эпӗ ҫамрӑк вилнӗшӗн»⁴.

1. В степи, в саду
 Раненый солдат лежит.
2. Его грудь пронзили штыком
 В руках окровавленный платок.
3. К запаху его крови
 Прилетели вороны.
4. «Не подходи, ворон, не подходи, ворон
 Я еще не умер.
5. Ты лети быстрее, скажи
 Отцу и матери.
6. Пусть они не горюют обо мне,
 О том, что я погиб молодым».

Перевод Е. В. Федотовой

³ Зап. П. С. Шаховым, Н. В. Леоновой в 2009 г. в с. Нижний Кужебар (Алексеевка) Каратузского р-на Красноярского края от А. И. Подсадниковой 1930 г. р. (АТМ НГК, колл. А0243).

⁴ Зап. Н. В. Леоновой, М. М. Андреевой, Е. И. Жимулевой в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко 1925 г. р., Е. И. Петровой 1947 г. р., М. Н. Голубевой 1932 г. р. (АТМ НГК, колл. А0190).

Содержание чувашского текста повторяет сюжет народной песни также литературного происхождения «Под ракитою зелёной» / «Под ракитою склонённой» (раненый солдат посылает ворона на родную сторону), которая является переработкой стихотворения поэта Н. Верёвкина «Под зелёною ракитой», написанного 14 мая 1831 г. после битвы под Остреленкой во время польского восстания [Песни русских поэтов..., 1988, с. 388].

Под действием объединяющих факторов – сюжетно-тематического (диалог с черным вороном), жанрового (баллада о войне), музыкально-поэтического (форма стиха 8 + 7, общий напев) – произошла контаминация песен «Под ракитою зелёной» и «Знаю, ворон, твой обычай».

Любопытно отметить, что при всеобщей популярности песен с сюжетами о черном вороне, мордва-эрзя Кемеровской области с напевом «Знаю, ворон, твой обычай» исполняет совершенно другой текст социально-исторической тематики.

1. Тятянь мяльга, пулозонзо Кундазь, нулав суманцэ. 2. Эринь недля, эринь кавто Пельц вачудо роботэнь. 3. Чавсь эйсэм кежей кулакось Мейсь чавнукшнусь, а содан. 4. Ламу сельведь валынь сестэ Кодаяк а туиван. 5. Ярмактуму, штапу, кепе – Истя ульнесь туимам. 6. Ней се таркасо колхозсо Мон эрян ялгам марта. 7. Батрак бедняк ялгам марта Ютась тунда совинек. 8. Коллективень покш тьявинтень Вясе вайцэ совинек. Коллективень покш тьявинтень Вясе вайцэ кундынек⁵.	1. За своим отцом, как за хвост Зацепившись за него, в рваной одежде. 2. Жил/а неделю, жил/а две Полуголодным/ой работал/а. 3. Бил меня злой кулак Из-за чего бил, не знаю. 4. Много слез пролил/а тогда Никак не могу уйти. 5. Без денег, без одежды, босиком – Такой был мой уход. 6. Теперь на этом месте в колхозе Я живу с другом/подругой. 7. С бедняком-батраком моим другом Прошлой весной мы вошли [в колхоз]. 8. В коллективное большое дело Все вместе мы вошли. За коллективное большое дело Все вместе мы взялись.

Перевод В. И. Алексеевой

⁵ Зап. П. С. Шаховым и Н. В. Леоновой в 2007 г. в с. Николаевка Чебулинского р-на Кемеровской обл. от фольклорного ансамбля «Ялгам» (АТМ НГК, колл. № А0235).

В поэтическом тексте эрзя-мордовской песни описывается ситуация перехода от кулацкого хозяйства к созданию колхоза с положительной коннотацией последнего. Учитывая ранний период формирования мордовской диаспоры в Мариинском уезде Томской губернии (с. Николаевка, где записана данная песня, было основано в 1871 г. переселенцами из Саранского уезда Пензенской губернии), можно предположить, что текст песни создан именно в Сибири. Таким образом, текст баллады о черном вороне, всякий раз подстраивающийся под конкретные актуальные события, вовсе исчез из мордовской традиции, тем не менее сохранился механизм отражения исторических реалий, связанный с одним из свойств устной фольклорной культуры в целом.

Приведем еще один пример песни литературного происхождения, которая получила широкое распространение среди красноармейцев и естественным образом попала в сферу заимствований иноэтническими культурами. Речь идет о песне «Как родная меня мать провожала», которая возникла в 1920-е гг. благодаря деятельности композитора Дмитрия Васильева-Буглая, руководившего армейской самодеятельностью в пехотной школе имени ВЦИК, который на мелодию украинской народной песни «Ой, що там за шум учинився» положил стихотворение Демьяна Бедного «Проводы» (написанное в 1918 г. на фронте в Свяжске) для инсценировки «Диво-дивное» по басням Д. Бедного [Нестьев, 1956, с. 57].

У мордвы-мокши Красноярского края зафиксирован как вариант авторского текста на русском языке «Как родная меня мать провожала», так и текст другого содержания на мокшанском языке «Тидянезе пикштемань» (Мамочка бьет меня):

Тидянезе пикштемань,	Мамочка бьет меня,
Сюцесамань,	Ругает меня,
Озондома чилькау	Молиться в церковь
Кучесамань.	Отправляет меня.
Вай, аф молян, тидяне,	Ой, не пойду, мамочка,
Вай, аф молян,	Ой, не пойду,
Озондома чилькау	Молиться в церкви
Мон аф ёран ⁶ .	Я не хочу.

Сверка мокшанского текста
и перевод Д. Н. Кукина

⁶ Зап. П.С. Шаховым и Н.В. Леоновой в 2009 г. в с. Алексеевка Каратузского р-на Красноярского края от Е.И. Маскайкиной 1929 г.р. (АТМ НГК, колл. № А0243).

При заметных различиях, в авторском и мокашанском текстах имеется общая сюжетная логика: в тексте Д. Бедного описывается ситуация проводов в солдаты (родня отговаривает парня, он хочет уйти), в мокшанской версии – мать отправляет сына в церковь, он не хочет идти.

Еще большая трансформация произошла в эрзянской фольклорной традиции Алтайского края. Проживающие в одном селе вместе мордва-эрзя и мордва-мокша на напев песни «Как родная меня мать провожала» распевают шуточный текст на эрзянском языке «Тетям печксь алаша» (Отец зарезал лошадь) с рефренными вставками в конце строк: после первого стиха «Серёжа», после второго – «Ну, так что же».

1. Тетям печксь алаша, Серёжа, ой, Монень макс ловажа, Ну, так что же.	1. Отец зарезал лошадь, Серёжа, ой, Мне дал кость, Ну, так что же.
2. Порнень, порнень, эзь порнев, Серёжа, Туинь мокшонь киява, да, Ну, так что же.	2. Грыз, грыз, не сгрыз, Серёжа, Пошел по мокшанской дороге, да, Ну, так что же.
3. Муинь мокшонь тяхтерне, Серёжа, ох, Потя прязо нарожа, Ну, дак что же.	3. Нашел мокшанскую девушку, Серёжа, ох, Сосок наружу, Ну, дак что же.
4. Потя прядо суския, Серёжа, ой, Берёг алу уския, Ну, дак что же.	4. Сосок укусил, Серёжа, ой, Под берег утащил, Ну, дак что же.
5. Берёг алу кудыне, Серёжа, о, Кудынесынтъ атине, Ну, дак что же.	5. Под берегом домик, Серёжа, о, В домике старичок, Ну, дак что же.
6. Атьсь моры скрипкaso, Серёжа, эх, Кемкавтува струнаса, да, Ну, дак что жа.	6. Старик играет на скрипке, Серёжа, эх, Двенадцать струн, да, Ну, дак что жа.
7. Мекс тяхтерне а киштят, Серёжа,	7. Почему, девушка, не пляшешь, Серёжа,

Или блядинь кискиня?
[Ну, дак что же]⁷.

Или «гулящая» собачка?
[Ну, дак что же].

Перевод П. С. Шахова
при помощи исполнителей

Эрзянский вариант песни с шуточным текстом «Тетям печксь алаша» и рефренными вставками (Серёжа / Ну, так что же) имеет свою сюжетную логику, состоящую из трех разделов: вступительного описания последовательных действий (отец зарезал лошадь / дал кость / грыз, не сгрыз / пошел по дороге / встретил девушку с соском наружу / укусил сосок / под берег утащил), ступенчатого сужения образа (под берегом домик / в домике старичок / старик играет на 12-струнной скрипке) и вопросительного окончания (почему не пляшешь?)

Шуточный текст этой песни также распространен в эрзянских селах Кемеровской области (Новорождественское, Кочкуровка, Павловка), но исполняется на частушечный напев:

Татар печксь алаша,
Монень макс ловажа.
Порнень, порнень, эзь порневть.
Туянь мокшонь киява,
Мокшонь тейтерть кудусот –
Потя приняят ушусот⁸.

Татарин зарезал лошадь,
Мне дал кость.
Грыз, грыз, недогрыз.
Пошёл по мокшанской дороге
Мокшанские девушки в доме –
Соски на улице.

Перевод П. С. Шахова
при помощи исполнителей

В эрзянских текстовых вариантах (алтайском и кемеровском) имеется общая тематическая линия, но различные обстоятельства и персонажи: в алтайском варианте лошадь зарезал «отец», в кемеровском – «татарин»; в алтайском – «нашел мокшанскую девушку / сосок наружу», в кемеровском – «мокшанские девушки в доме / соски на улице».

В рассматриваемой эрзянской песне обращает на себя внимание поэтический мотив, характерный для традиционной мордовской культуры: отец / татарин зарезал лошадь. Ритуал принесения в жертву лошади встре-

⁷ Зап. в 2008 г. Н. В. Леоновой и П. С. Шаховым в с. Малый Калтай Залесовского р-на Алтайского края от А. Ф. Атмановой 1940 г. р., В. И. Кяжиной 1930 г. р. (АТМ НГК, колл. № А0236).

⁸ Зап. П. С. Шаховым в 2008 г. в с. Новорождественском от Д. Н. Первушкина 1930 г. р., М. Ф. Первушкиной 1930 г. р. (АТМ НГК, колл. № А0240).

чается в описании обрядовых практик мордвы. П. И. Мельников (Андрей Печерский), описывая календарные обряды языческой мордвы, пишет, что 3 апреля, в день Никиты Исповедника, рыболовы иногда «топят чужую лошадь для угощения водяного; в это же время и мордва молится богу рыболовства Акша-кал-озаису и также приносят ему жертву, утопляя лошадь в реке или озере» [Мельников, 1981, с. 57–58]⁹.

Итак, мы рассмотрели две песни, имеющие авторское происхождение: «Знаю, ворон, твой обычай» (напев казачьей песни с поэтическим текстом П. Козлова, представляющим собой перевод стихотворения «Литовская песня» В. Сырокомли) и «Как родная меня мать провожала» (напев украинской песни «Ой, що там за шум учинився» с поэтическим текстом Д. Бедного). Обе песни, поначалу распространенные в солдатской (казачьей, красноармейской) среде, вышли за ее пределы и естественным образом были заимствованы различными локальными фольклорными традициями, в том числе иноэтническими.

Рассмотренные мордовские материалы, записанные на территории Сибири, свидетельствуют о живом процессе заимствования, при котором произошла адаптация известных песен к фольклорным традициям мордвы-эрзы и мордвы-мокши. Любопытно отметить, что сибирская мордва заимствовала только музыкальный компонент обеих песен, поэтический же текст в обоих случаях был полностью заменен. Это можно объяснить тем, что создание песенных вариантов и версий в процессе заимствования особенно интенсивно проходит в иноязычной среде, когда требуется активизация творческого начала носителей традиции.

Исполнители, столкнувшись с песней извне, в которой объединены напев и интонируемый поэтический текст, всякий раз становятся перед творческим выбором – как включить в свою палитру художественных средств понравившийся компонент? Петь песню в том виде, в котором она была

---

⁹ По мнению П. И. Мельникова, жертвоприношение лошади богу рыбной ловли Акша-кал-озаису, когда ее топили в воде, является свидетельством более позднего сближения языческой мордвы с русскими, вследствие чего мордва перестала употреблять в пищу конину. В глубокой старине лошадь закалывали и готовили жертвенное мясо [Мельников, 1981, с. 61]. Автор «Очерков мордвы» также пишет, что вследствие сближения мордовских традиционных верований с христианством многие христианские святые стали признаваться язычниками. Так, мордва «своих богов коневодства Айгор-озаис и Лишме-озаис отождествляет с свв. Флором и Лавром (18-го августа) и в день их памяти совершает моления о своих лошадях; на этом молении бывают только одни мужчины, женщин не пускают» [Там же, с. 58].

услышана; перевести текст на родной язык и исполнять его с этим же напевом; заимствовать только отпечатавшийся в памяти вариант напева, но исполнять его с другим, актуальным для своей локальной традиции текстом (переведенным или созданным по традиционной модели)? Именно последняя творческая стратегия была реализована при заимствовании мордвой-эрзя песни «Знаю ворон твой обычай», исполняемой с эрзянским текстом «Тягянь мяльга, пулозонзо» (о наемном рабочем и переходе кулацких хозяйств к колхозам), и песни «Как родная меня мать провожала», исполняемой на мордовских языках – мокшанском «Тидянезе пикштемань, сюцесамань» (о том, как мать заставляет сына идти молиться в церковь) и эрзянском «Тетям печксь алаша, Серёжа» (с повествовательным сюжетом о встрече с девушкой). Таким образом, заимствованные песни послужили своеобразным импульсом развития собственной этнической фольклорной традиции.

Список литературы

Аркин Е. Я. Ты березка моя. Народные песни Омской области. Омск: Ом. кн. изд-во, 1987. 176 с.

Донские казачьи песни. Соб. и изд. А. Пивоваров. Новочеркасск: Типография Донской газеты, 1885. 153 с.

Леонова Н. В., Шахов П. С. Похоронный фольклорно-этнографический комплекс как обрядовый текст (на примере локальной эрзя-мордовской традиции сибирского бытования) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 191–219. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219

Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 220–239.

Мальй П. Русские народные песни Оренбургской области. М.: Сов. композитор, 1980. 104 с.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.

Народная поэзия рабочих Сибири / Под ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 258 с.

Народные песни Красноярья / Сост. К. М. Скопцов, В. Осипова. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1983. 120 с.

Неклюдов С. Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. 520 с. (Литература как традиция. 1)

Нестьев И. В. Советская военная песня // В помощь военному дирижеру. М., 1956. Вып. 3. С. 54–68.

Песни донских казаков. Сборник / Сост. и автор предисловия Б. П. Екимов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 254 с.

Песни русских поэтов: В 2 т. / Сост. В. Е. Гусев. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. 2: Середина XIX – начало XX в. 624 с.

Песни уральских казаков. Запись, нотирование, сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998. 236 с.

Попова Т. В. О песнях наших дней. М.: Музыка, 1969. 489 с.

Пропп В. Я. Фольклор и литература // Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / Сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. С. 140–146.

Розанов И. Н. Литературный источник популярной песни // Художественный фольклор. Ред. Ю. Соколов. № 1. М.: Гос. акад. худож. наук, 1926. С. 77–80.

Розанов И. Н. От книги – в фольклор // Литературный критик. 1935. № 4. С. 192–207

Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / Сост. С. И. Красноштанов, В. С. Левашов, В. М. Щуров. Новосибирск: Наука, 1997. 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 14).

Русские народные песни / Сост. А. М. Новикова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 735 с.

Традиционный фольклор Новгородской области. Л.: Наука, 1979. 352 с. (Серия «Памятники русского фольклора»)

Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 672 с.

Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

Чумаков И. Г. Слава вам, братцы! (Песни казаков Забайкалья, записанные в Омской области). Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 164 с.

Шахов П. С. Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 42–56. DOI 10.17223/18137083/62/4

Шахов П. С. К проблеме изучения феномена авторства в устной песенной традиции сибирской мордвы // Мельниковские чтения: Материалы Девятой межрег. науч.-практ. конф. Новосибирск, 16–17 февраля 2019 г. / Науч. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Изд. ИП Соловьев, 2019. С. 34–51.

References

- Arkin E. Ya. Ty berezka moya. Narodnye pesni Omskoy oblasti [You're my birch. Folk songs of the Omsk region]. Omsk, Omsk Book Publ., 1987, 176 p. (in Russ.)
- Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Collection of articles. Moscow, OGI, 2005. 272 p. (in Russ.)
- Chumakov I. G. Slava vam, brattsy! (Pesni kazakov Zabaykal'ya, zapisannye v Omskoy oblasti) [Glory to you, brothers! Songs of the Cossacks of Transbaikalia recorded in the Omsk region]. Omsk, Omsk Uni. Press, 2006. 164 p. (in Russ.)
- Donskie kazach'i pesni [Don Cossack songs]. Coll. and pub. A. Pivovarov. Novocherkassk, Printing house of the Don newspaper, 1885, 153 p. (in Russ.)
- Fol'klor semeyskikh [Folklore of the Semeyskys]. L. E. Eliasov, I. Z. Yarnevskiy (comps.). Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1963, 672 p. (in Russ.)
- Leonova N. V., Shakhov P. S. Funeral Folklore-Ethnographic Complex as a Ritual Text (On Example of the Local Erzya-Mordovian Tradition of Siberian Existence). *Critique and Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 191–219. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219
- Lotman Yu. M. K postroeniyu teorii vzaimodeystviya kul'tur (semioticheskiy aspekt) [Towards the theory of interaction of cultures (semiotic aspect)]. In: Lotman Yu. M. Chemu uchatsya lyudi. Stat'i i zametki [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Rudomino VGBIL Book Center, 2009, pp. 220–239. (in Russ.)
- Malyy P. Russkie narodnye pesni Orenburgskoy oblasti [Russian folk songs of the Orenburg region]. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1980, 104 p. (in Russ.)
- Melnikov P. I. (Andrey Pecherskiy). Ocherki mordvy [Essays of the Mordvins]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1981, 136 p. (in Russ.)
- Narodnaya poeziya rabochikh Sibiri [Folk poetry of the workers of Siberia]. Ed. by L. E. Eliasov. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1974, 258 p. (in Russ.)
- Narodnye pesni Krasnoyar'ya [Folk songs of Krasnoyarsk]. Comp. by K. M. Skoptsov, V. Osipova. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ., 1983, 120 p. (in Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Temy i variatsii [Themes and variations]. Moscow, Indrik Publ., 2016, 520 p. (in Russ.)

Nestyev I. V. Sovetskaya voennaya pesnya [Soviet Military Song]. In: V pomoshch' voennomu dirizheru [To help a military conductor]. Moscow, 1956, vol. 3, pp. 54–68. (in Russ.)

Pesni donskikh kazakov [Songs of the Don Cossacks]. B. P. Ekimov (comp.). Volgograd, Nizhne-Volzhscoe Book Publ., 1982. 254 p. (in Russ.)

Pesni russkikh poetov [Songs of Russian poets]. In 2 vols. V. E. Gusev (comp.). Leningrad, Soviet writer Publ., 1988, vol. 2, 624 p. (in Russ.)

Pesni ural'skikh kazakov [Songs of the Ural Cossacks]. T. I. Kaluzhnikova (rec., not., comp., intro. art. and comment.). Ekaterinburg, Sfera Book Publ., 1998, 236 p. (in Russ.)

Popova T. V. O pesnyakh nashikh dney [About the songs of our days]. Moscow, Muzyka Publ., 1969, 489 p. (in Russ.)

Propp V. Ya. Fol'klor i literatura [Folklore and literature]. In: Martynova A. N. (comp., preface and comments). Poetika fol'klora [The poetics of folklore]. Collection of works by V. Ya. Propp. Moscow, Labirint Publ., 1998, pp. 140–146. (in Russ.)

Rozanov I. N. Literaturnyy istochnik populyarnoy pesni [Literary source of a popular song]. In: Khudozhestvennyy fol'klor [Artistic folklore]. Yu. Sokolov (ed.). No. 1. Moscow, State Academy of Art Sciences Publ., 1926, pp. 77–80. (in Russ.)

Rozanov I. N. Ot knigi – v fol'klor [From the book to folklore]. *Literaturnyy kritik*, 1935, no. 4, pp. 192–207. (in Russ.)

Russkie liricheskie pesni Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Russian Lyric Songs of Siberia and the Far East]. S. I. Krasnoshtanov, V. S. Levashov, V. M. Shchurov (comps.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 524 p. (Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 14). (in Russ.)

Russkie narodnye pesni [Russian folk songs]. A. M. Novikova (comp.). Moscow, State Publishing House of Fiction, 1957, 735 p. (in Russ.)

Shakhov P. S. Interaction between oral folk tradition and written culture in Siberian Mordvin folklore. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 1, pp. 42–56. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/62/4

Shakhov P. S. K probleme izucheniya fenomena avtorstva v ustnoy pesennoy traditsii sibirskoy mordvy [On the problem of studying the phenomenon of Authorship in the Oral Song tradition of the Siberian Mordvins]. In: Leonova N. V. (ed.). Mel'nikovskie chteniya [Melnikovsky readings]. Materials of the 9th Interregional scientific and practical conference (Novosibirsk, February 16–17, 2019). Novosibirsk, IP Solovyev Publ., 2019, pp. 34–51. (in Russ.)

Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti [Traditional folklore of the Novgorod region]. Leningrad, Nauka, 1979. 352 p. (Pamyatniki russkogo fol'klora [Monuments of Russian folklore]). (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения

Scopus Author ID 57206657178

WoS Researcher ID K-1668-2017

RSCI Author ID 691785

SPIN 4306-4413

Information about the Author

Pavel S. Shakhov, Candidate of Sciences (Art Criticism)

Scopus Author ID 57206657178

WoS Researcher ID K-1668-2017

RSCI Author ID 691785

SPIN 4306-4413

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted on 01.03.2023;
approved after reviewing on 12.04.2023; accepted for publication on 12.04.2023*